

называя их «записками первого путешествия».⁵⁰ Эта точка зрения основана на том, что такое заглавие письма получили в проспекте (объявлении) 1788 г. к невышедшему собранию сочинений Фонвизина; отчасти ее подкрепляют и сохранившиеся отрывки черновиков нескольких писем к Панину. И все же известные нам «Письма из Франции» не похожи на типичные для того времени «записки»; исходный текст и форма письма в данном случае не были литературной фикцией. Фонвизин сочинил их не постфактум, а в самом деле писал и отсылал в Россию во время самого путешествия; они имеют конкретных адресатов, даты и места отправления.

С другой стороны, это не документы узко бытового, личного содержания. Не будучи по крайней мере в первоначальном виде рассчитаны на публикацию, письма Фонвизина предполагали некоторый круг читателей, хотя и ограниченный, но более широкий, нежели семейный и дружеский, которому формально адресованы. Они писались с расчетом на рукописное распространение хотя бы некоторых из них, дававших обобщенную характеристику французской культуры и быта. Об этом свидетельствует некоторое количество имевшихся в обращении списков.

Отзывы Фонвизина о Франции и прежде всего ядовито-насмешливые, а иногда просто резкие характеристики французских писателей должны были поразить современников. Они прозвучали в то время, когда Франция еще оставалась центром мировой культуры, а французская литература — законодательницей вкуса и источником передовых идей. Отзвуки недоумения и несогласия с отзывами Фонвизина слышны еще в полемике Пушкина и Вяземского, зафиксированной в пометах на полях рукописи биографической книги о Фонвизине.⁵¹

Позиция Фонвизина при оценке западной культуры откровенно публицистична.⁵² Точки зрения Пушкина и Вяземского также были далеки от исторической объективности. В некоторых случаях Вяземский лучше, чем Пушкин, улавливал общий насмешливый тон, пронизывающий повествование русского наблюдателя-путешественника. С этим в письмах встречаешься неоднократно. Достаточно объективное и в целом уважительное описание чествования, устроенного Вольтеру в театре «Французской комедии», соседствует у Фонвизина в письмах к сестре с упоминанием имени писателя совсем в другом контексте.

«Что я называю его (Сен-Жермена. — В. С.) шарлатаном, конечно, не ошибаюсь: нахожу в нем много пречудного. Руссо твой в Париже живет как медведь; никуда не ходит, к себе никого

⁵⁰ Макогоненко Г. П. Денис Фонвизин, с. 209—211. Реально путешествие 1777—1778 гг. было второй поездкой Фонвизина за границу. Название «первого» оно получило потому, что ранее писатель ездил с чисто дипломатическими, а не ознакомительными целями.

⁵¹ Вацуру В. Э., Гиллельсон М. И. Новонайденный автограф Пушкина. М.; Л., 1968, с. 79—87.

⁵² Макогоненко Г. П. Денис Фонвизин, с. 224 и след.